

Буллер А. Введение в теорию истории: учеб. пособие. М., 2013. 184 с.

Размышления над теоретико-методологическими проблемами исторической науки предполагают постановку вопроса о том, чем же должен заниматься теоретик: влиять на практику исследований постановкой новых важных аспектов гносеологического характера или фиксировать наметившиеся изменения в самих конкретно-исторических исследованиях, чтобы затем моделировать когнитивные процессы в науке? С этими затруднениями мы и сталкиваемся, приступая к рассмотрению учебного пособия по теории истории А. Буллера, немецкого философа из Штутгарта.

Само название работы, а также тезисы, обозначенные во введении, создают благодатное поле для развертывания дискуссионных вопросов. Автор полагает, что «предметом теории истории как эпи-

стемологической науки является не само прошлое, а когнитивные процессы его реконструкции и познания... теория истории стремится выяснить, насколько субъективные факторы исторического акта познания, а именно его релятивность, ретроспективность, конструктивность, партийность могут определять характер наших знаний о прошлом» (с. 166–167). Конечно, при использовании понятийно-категориального аппарата, классификационных схем мы должны учитывать национальные традиции научных школ, конвенциональные модели, без чего ученым было бы попросту невозможно договориться. В связи с этим следует заметить, что в отечественной теоретико-методологической мысли зачастую более оправданным является разграничение собственно тео-

рии истории как области общих представлений об истории в целом и методологии истории как системы знания, регулирующей исследовательскую деятельность в исторической науке.

Автор считает, что анализ таких понятий, как «история», «источник», необходимо проводить с метатеоретических позиций, а это требует применения философского, а не исторического метода исследования (с. 7). Но данная проблема не является новой в познавательной ситуации. Вопрос о том, кто должен заниматься рефлексией исторического познания – сами историки или эпистемологи, не решен до сих пор, если вообще может быть решен в принципе. К примеру, можно вспомнить В. Виндельбанда, который требовал, чтобы историки делали свою работу собственными методами, без вмешательства извне. Свои аргументы есть и у противоположной стороны. Так или иначе, но А. Буллер постарался примирить позиции, поместив в свою книгу анализ творчества как одних, так и других.

Красной нитью в ней проходит проблема субъективности. Во-первых, собственно сама структура подчинена этому принципу, построенная по персоналиям: Хладениус, Дройзен, Дильтей, Коллингвуд, Блок, Козеллек, Рикер, Гуревич. Показателен сам выбор мыслителей. К именам И.Г. Дройзена, Р. Коллингвуда, М. Блока мы давно уже привыкли. И даже если Й.М. Хладениуса встречаем еще в «Истории как проблеме логики» Г.Г. Шпета, то появление в подобного рода трудах имени А.Я. Гуревича, практика медиовиста, можно только приветствовать. Лишь последняя глава – проблемная – посвящена природе исторического источника. Во-вторых, немало страниц отведено субъективным факторам исторического познания. И это неудивительно. Упоминание о роли историка в процессе исследования давно уже стало банальностью. Однако остается вопрос: является ли этот фактор негативным, мешающим для полноценного построения исторической картины, или же здесь проявляется самопознание истории?

В работе прослеживается и иная логика построения материала. По сути автор сконцентрировал свое внимание вокруг понятий «история», «историк», «исторический источник», и каким образом они наполняются содержанием в творчестве мыслителей. Так, среди актуальных представлений об истории Буллер выделил следующие. Согласно И. Дройзену, история – это знание о случившемся. Замена категории «прошлой действительности» на «случившуюся» здесь намеренная. Речь идет не просто о существовавшей реальности, а именно о «ставшей таковой» (с. 22–24). Соответственно, становится понятным взаимоотношение между прошлым и настоящим, где второе вбирает в себя прошлое, актуализируя знания о нем. По мнению Р. Коллингвуда, история – это история мысли, т.е. для понимания логики происшедших событий ис-

следователю необходимо обратиться к мыслям человека, их совершавшего. Иначе говоря, объект истории – «не просто событие, но мысль, им выражаемая» (с. 52). Р. Козеллек предложил свою интерпретацию истории, вобравшей, по его словам, не только «опыт прошлого», но и «горизонты будущего». Таким образом, в центре картины истории находится именно настоящее, где формируется прошлое и зарождается будущее (с. 92). Наконец, историю как диалог между разновременными культурами рассматривал наш соотечественник А.Я. Гуревич. Это когда познается смысл культуры, какой она была «для себя», так и для потомков, в том числе «нашей» действительности (с. 126–127).

Таким образом, представления об истории объединяет одно общее, а именно сближение прошлого и настоящего. Познание истории становится возможным потому, что само прошлое актуализируется в настоящем, пробуждается в нем и превращается в объект интереса. В свою очередь историк в данном процессе может выступать в нескольких ипостасях. М. Блок сближает историка с детективом, который для достижения результата должен не только реконструировать внешнюю сторону событий, но и понять мотивы поведения участников (с. 71). Историк также может быть уподоблен Художнику (Р. Коллингвуд), который включает в картину то, что считает существенным. Так и историк дополняет высказывание источника, опираясь на косвенные данные и априорные умозаключения, которые принадлежат уже миру настоящего, современному исследователю (с. 58). Релятивистской позицией по отношению к историку является отождествление его с конструктивистом. Так, А. Данто полагал, что ученый организует прошлое в своих текстах по правилу нарративных конструкций, отбирает нужные элементы, чтобы рассказ – история имел смысл (с. 81–83).

Между историей и историком лежит источник. Очевидно, что сегодня его понимание существенно усложнилось по сравнению с представлением как о просто материальном остатке прошлого. А. Буллер актуализирует те представления об историческом источнике, «работающие» и в XXI в. Так, Дройзен предложил понимать источник как реальность не только прошлого, но и настоящего, который становится значимым в созданном мышлением человека идейном пространстве (с. 29). Сходным образом рассуждал Дильтей, рассматривая источник как элемент «жизни», который не может презентировать себя вне того настоящего, в котором он находится (с. 46). «Следом» называет источник Рикер, поясняя при этом, что он является «присутствием отсутствующего прошлого» в настоящем (с. 106). Неоднородную сущность источника отмечал Гуревич. С одной стороны, он «создается» ученым для исследования, становясь таким образом «вещью для нас». С другой –

источник – это запечатленная структура прошлого человеческого сознания. Тем самым обеспечивается диалог между прошлым и настоящим (с. 130–131).

Таким образом, нахождение источника как бы в двух временных измерениях делает возможной постановку вопроса: чего же в источнике больше: прошлого или настоящего? Сам А. Буллер постарался подвести итог спорам о природе исторического источника, обозначив его «возможную» и «действительную» стороны (с. 135).

В данной работе автору удалось во многом по-новому осветить ряд теоретико-методологических проблем исторической науки. Стержневыми являются здесь вопросы субъективности познания, неоднородной природы источника, многоуровне-

вости самой истории. А. Буллер показал, что категории прошлого, настоящего и будущего находятся в сложных корреляционных связях. По этому поводу вспоминается тезис Ф. Артога о наступлении эпохи презентизма, в котором прошлое и будущее поглощаются настоящим. Конечно, можно посетовать автору за некоторый недостаток социокультурного контекста при освещении исторических идей. Однако, думается, специально такая задача не ставилась. По собственному признанию философа, он в своей книге ничего не раскрыл, не показал, не доказал, а просто размышлял, сосредоточившись на определенных «константах» в многообразных представлениях об истории, историке и источнике.

Д.П. Исиев